

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78
УДК 327.51(045)

Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса

Д.Л. Цыбаков^а, И.К. Василенко^б

^а Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, Химки, Россия;

^б Донецкий национальный университет, Донецк, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины как движущей силы кризиса современных международных отношений. Обосновывается формирование национально-государственной модели украинского милитаризма в период 1991–2022 гг. Анализируются идейно-политические предпосылки генезиса украинского милитаризма и его взаимосвязь с идеологическими учениями экстремистского толка. Рассматриваются этапы милитаризации украинского государства, на основании чего делается вывод о формировании новых вызовов политической стабильности в Восточной Европе в XXI столетии. Аргументируется необходимость концептуального закрепления представлений о милитаризации политики Украины в доктринальных документах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: милитаризм; милитаризация; национализм; международные отношения; национальная безопасность; международный кризис; Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Цыбаков Д.Л., Василенко И.К. Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78

ORIGINAL PAPER

Militarisation of post-Soviet Ukraine as a Factor of the Modern International Crisis

D.L. Tsybakov^a, I.K. Vasilenko^b

^a The Academy of Civil Protection of the EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, Khimki, Russia;

^b Donetsk National University, Donetsk, Russia

ABSTRACT

The article studies the militarisation of the foreign and domestic policy of post-Soviet Ukraine as the driving force of the crisis of modern international relations. The article substantiates the formation of the national-state model of Ukrainian militarism in the period 1991–2022. The ideological and political prerequisites of the genesis of Ukrainian militarism and its relationship with extremist ideological doctrines and teachings are analyzed in the article. The stages of militarisation of the Ukrainian state are considered, on the basis of which the conclusion is made about the formation of new challenges to political stability in Eastern Europe in the XXI century. The necessity of conceptual consolidation of ideas about the militarization of Ukraine's policy in the doctrinal documents of ensuring the national security of the Russian Federation is argued.

Keywords: militarism; militarisation; nationalism; international relations; national security; international crisis; National security strategy

For citation: Tsybakov D.L., Vasilenko I.K. Militarization of post-Soviet Ukraine as a factor of the modern international crisis. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ

В 2022–2023 гг. система современных международных отношений оказалась перед лицом полномасштабного кризиса, не имеющего аналогов после окончания «холодной войны». Стремление Российской Федерации преодолеть разрушительные последствия геополитической катастрофы после распада СССР закономерно вело к конфликту с новыми мировыми гегемонами. Обращает на себя внимание достаточно ангажированное восприятие внешней и внутренней политики России со стороны зарубежного и некоторой части отечественного экспертного сообщества. Пытаясь обосновать наличие тенденций милитаризации политической системы постсоветской России, сторонники такой точки зрения упускали из виду, что современный милитаризм представляет собой комплексный, универсальный и транснациональный феномен, обладающий в то же время национально-государственным и историческим многообразием [1, с. 191]. На реалии политического процесса в Российской Федерации с разной степенью обоснованности экстраполировались положения англосаксонской научной мысли, достаточно подробно описывающей процессы милитаризации общества [2, р. 12]. Наряду с оправданной констатацией имманентности милитаристского потенциала российской государственности, делались не вполне аргументированные выводы относительно отсутствия внешних вызовов и угроз для постсоветской России со стороны западного сообщества [3, с. 204].

Опасность для поступательного развития Российской Федерации в большинстве исследований первого десятилетия XXI столетия связывалась в первую очередь с международным терроризмом и экстремизмом. Однако большинство экспертов из разных научных школ, признающих потенциальную возможность будущей конфронтации РФ с США и НАТО, практически не обращали внимания на проявления милитаризации со стороны стран СНГ.

Актуальность затронутой проблемы подчеркивается в первую очередь экспансионистской направленностью украинского милитаризма в XXI столетии, который укрепляет свою внутреннюю легитимность и международную субъектность. На протяжении 2021–2022 гг. кардинально изменились позиции таких лидеров «единой Европы» как ФРГ, Франция, Италия, которые ранее не демонстрировали открытой поддержки наращиванию военно-политического потенциала Киева. Благодаря оказанию прямой помощи украинским властям в противостоянии с Российской Федерацией усилились процессы милитаризации евроатлантического сообщества, его

наднациональных структур и институтов. В политикуме большинства стран Европы, Северной Америки, многих государств Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона отношение к конфликту на Украине стало критерием идейно-политического размежевания ведущих акторов социальных отношений.

На основании приведенной аргументации можно сделать вывод о появлении в первом десятилетии XXI в. новой национально-государственной разновидности милитаризма, возникшей после распада Советского Союза на территории бывшей Украинской ССР. В зависимости от различных критериев при типологизации милитаризма научное знание опирается в первую очередь на формационный, идеологический и цивилизационный подходы [4, р. 177]. В контексте настоящего исследования наиболее востребованным представляется цивилизационный подход, на основании которого украинский милитаризм может быть выделен в отдельную национально-государственную форму по аналогии с прусским, японским, американским или британским милитаризмом.

В свою очередь, активная, деятельностная сторона милитаризма выражается в процессах милитаризации. Из существующих определений этого явления наиболее релевантными представляются следующие трактовки: социальное, политическое и военное воспроизводство; воспроизводство государства через военные ценности и идентичности; популяризация фактора насилия государства в мировоззрении его граждан и через их социальную активность [5, р. 483]. Таким образом, милитаризацию не следует сводить исключительно к материальным и технологическим приготовлениям и интеграции военной элиты с политической системой, как это было принято у некоторых исследователей [6, с. 11]. Рассматриваемый процесс распространяется и на социокультурную и национальную идентичность, этику, мораль, способы существования и видения окружающего мира.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ УКРАИНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Прежде всего, необходимо рассмотреть идейно-политические основания милитаризации политики на Украине. Наличие тесной взаимосвязи между определенными идеологиями и милитаристскими проявлениями обосновано в работах ряда авторов, например известного исследователя из США Э. Бассевича [7, р. 82]. В свою очередь, российскими учеными аргументировано, что различные вариации

националистических доктрин лежали в основе суверенизации бывшей Украинской ССР еще в период 1980–1990-х гг. [8, с. 96].

Современный украинский идеологический спектр после 2014 г. схематично представлен тремя основными идейно-политическими течениями: этнический национализм, политический национализм, неонацизм. У них есть некоторые специфические отличия, обусловленные региональными и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на ментальные установки населения Галиции и частично Волыни, которые оформились в рамках униатской конфессии. Главный идеологический лозунг этнических националистов — это культ коллаборации периода Второй мировой войны, которой пытаются придать псевдопатриотическую трактовку. Адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Таким образом, подтверждается мнение экспертов о повышении значения в неконвенциональных конфликтах общественных институтов [9, с. 121]. *Политический национализм* на постсоветской Украине охватывает ареал центральных областей страны. Ставший в период 1990–2020-х гг. знаменем зонтичного «днепропетровского клана», он «перехватил» предпочтения социально активных сограждан и прочно закрепился в системе официальной пропаганды. *Неонацизм* как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя преимущественно после 2014 г. Социальной базой течения являются юго-восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Его отличает ставка на откровенный «белый расизм» и «неоязыческое сектанство». Все три версии современного национализма опираются на очевидную милитаристскую доминанту. Для галицийских этнократов характерно оправдание подпольно-террористического движения 1920–1950-х гг. Политические националисты строят социокультурную идентичность на образе днепропетровского казачества как средневекового «рыцарства», в пропаганде которого эксплуатируется архетип японских самураев. Неонацисты объявляют себя наследниками воинских корпораций Средневековья, формируя псевдоисторическую мифологию преемников скандинавских викингов и фашистских организаций XX в.

Ранее существовавшая ориентация доктрин националистического толка на конфликт с иными этносами оказалась в значительной мере нивели-

рована тем обстоятельством, что в составе нового украинского государства в 1990-х гг. оказались исторические русские земли. Новороссия и Слобожанщина составляли примерно половину территорий (при этом наиболее экономически и культурно развитых), оказавшихся под властью Киева после 1991 г. Причем эти регионы по крайней мере со второй половины XVIII в. были вполне органично интегрированы в состав ядра имперской, а затем и советской государственности. В результате между постсоветскими Россией и Украиной сложились предпосылки для раскола скорее не по принципу «метрополия-колония», а по линии «одна часть метрополии — другая часть метрополии».

Ввиду этого объективно возникало противоречие между двумя векторами: сотрудничество и солидарность либо же конкуренция или противоборство опорных частей былого цивилизационного монолита. Баланс между названными перспективами постепенно смещался в пользу конфронтационного варианта, будучи предопределен нарастающей эрозией идейно-политического и политико-экономического фундамента исторической Большой России.

ПЕРИОДЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКИ 1990–2020 ГГ.

Именно отмеченными выше соображениями можно объяснить стремление украинского руководства в максимально ускоренном темпе нарастить свой милитаристский потенциал в период суверенизации новых независимых государств СНГ. Закономерно, что администрация президента Л. Кравчука фактически сорвала проект создания единых Вооруженных сил под эгидой Содружества Независимых государств, организовав присвоение войсковых частей, соединений и объединений бывшей Советской Армии в 1991–1992 гг. Заметим, что процесс милитаризации постсоветской Украины происходил весьма противоречиво, поскольку в распоряжении Киева оказался такой военный и технологический потенциал, который был явно избыточен для реальных возможностей бывшей союзной республики. Наряду с другими государствами СНГ Украина оказалась в условиях масштабной деиндустриализации, естественным образом ограничивающей материальные и технологические перспективы той модели милитаризации, что постепенно утверждалась в стране.

Другим весомым фактором отката процесса милитаризации Украины стала стратегия российского руководства, направленная на умиротворение и односторонние уступки своему юго-западному соседу. Среди них: признание внутренних адми-

нистративных границ СССР в качестве государственных, отказ от поддержки ирредентистских устремлений русской общины бывшей Украинской ССР, отсутствие реакции на фактическую ликвидацию политико-территориальной автономии Крыма, осуществленную Киевом в 1996 г. В результате был подписан и в 1998 г., после длительных, многомесячных дебатов в Государственной Думе, ратифицирован Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

В данном контексте необходимо также учитывать фактор внешнего влияния держав — бенефициаров нового мирового порядка. И российские, и украинские элиты в период суверенизации 1990-х гг. в значительной степени ориентировались на мнение, а во многих случаях — на прямые директивы западных партнеров. Следствием чего можно назвать участие российской стороны в Будапештском меморандуме 1994 г., согласно которому президент США, глава Британского правительства и присоединившийся к ним президент Российской Федерации декларировали обеспечение суверенитета бывшей Украинской ССР и невмешательство в ее внутренние дела (что было нарушено англосаксонскими гарантами во время организации «померанчевой революции» 2004 г. и при совершении государственного переворота в Киеве в ноябре 2013 — феврале 2014 г.).

Еще раньше, в 1992–1993 гг., позиция США сыграла решающую роль в склонении Л. Кравчука и его окружения к участию в программе ядерного разоружения, которая под международным контролем реализовывалась с участием Белоруссии, Казахстана и Украины.

Равным образом фактор зарубежного влияния прослеживается и при обстоятельствах подготовки и ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной 1998 г. Создается ощущение, что утверждение соглашения в российском парламенте могло состояться на фоне смягчения международными организациями условий для преодоления финансового краха Российской Федерации в августе 1998 г.

В итоге, убедившись в отсутствии активных внешнеполитических стратегий Москвы в ближнем зарубежье, украинский политический класс не видел необходимости в дальнейшей последовательной милитаризации общества. Поэтому после прихода к власти президента Л. Кучмы, поддержанного пророссийскими избирателями Юго-Востока, и достижения уступок со стороны российского руководства, курс на милитаризацию украинской политики к концу 1990-х гг. был фактически свернут.

Одновременно со снижением перспектив противостояния с Российской Федерацией украинский милитаризм получил определенную подпитку со стороны внешних сил, будучи втянутым в военно-политическое сотрудничество с США, блоком НАТО и его сателлитами из числа государств Восточной Европы. Украинские военные и полицейские контингенты принимали участие в миротворческих операциях и поддержании оккупационного режима в Югославии, Афганистане и Ираке в составе действующих под патронажем Вашингтона международных коалиционных сил. В то же время происходило приобщение граждан Украины к различным негосударственным проявлениям милитаризации постиндустриального типа, включая вербовку в многочисленные частные военные компании и группировки наемников, законную и нелегальную торговлю вооружениями и военными технологиями.

С «оранжевой революции» 2004 г. имеет смысл вести отсчет *второго этапа милитаризации* украинской политики. Во многом его наступление было связано с внешним фактором — продолжением реализации концепции «двойного расширения НАТО». Апогеем этого этапа стала поддержка командой президента В. Ющенко агрессии режима М. Саакашвили против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. В указанный период внешнеполитическая активность Киева опиралась прежде всего на проект ГУУАМ¹, в рамках которого предпринимались попытки реформирования региональной безопасности постсоветского пространства под эгидой США.

Авантюризм команды В. Ющенко и ее несостоятельность во внутриполитических вопросах обусловили очередной откат в процессе милитаризации Украины, который пришелся на период правления В. Януковича, нацеленного на лавирование между Западом и Россией. Отношения с Российской Федерацией были вновь нормализованы, результатом чего стали Харьковские соглашения 2012 г, урегулировавшие спорные вопросы экономического сотрудничества во взаимосвязи с учетом интересов России в оборонной сфере. Однако общая неспособность, коррумпированность и идеологическая несостоятельность украинской государственности спровоцировали системный кризис и государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. Последовавшая вслед за этим «Русская весна», воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией,

¹ Альянс ряда государств СНГ — Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана, Молдавии.

провозглашение Донецкой и Луганской народных республик привели к обвальному всплеску национализма и наступлению *третьей фазы* милитаризации общества и государства в соседней стране.

Наиболее опасные проявления милитаризма после 2014 г. охватили различные сферы социальной жизнедеятельности Украины. В концептуальном обеспечении государственной политики приняты решения об отказе от внеблокового статуса Украины, отменены статьи конституции о международном нейтралитете и запрете размещения на своей территории иностранных военных баз, декларирована необходимость союза с Североатлантическим альянсом, а в 2019 г. объявлено об отказе от продления Договора о дружбе и сотрудничестве с Российской Федерацией.

В военно-стратегическом аспекте приняты и реализованы планы военной оккупации республик Донбасса, разработаны варианты полномасштабной войны с Российской Федерацией. В идеологической и информационной сферах в 2014–2015 гг. завершено формирование образа врага в виде русских граждан Украины, уроженцев ЛДНР, сформировано представление об исторической России как экзистенциальной угрозе для существования украинского общества. В экономической области отмечается кратное возрастание военных расходов, возобновление научно-конструкторских разработок и военных производственных комплексов. В социальной сфере сложилась специфическая маргинальная агрегация, пропитанная русофобскими настроениями и существующая за счет обслуживания милитаристской политики правящего режима, подавления инакомыслящих, перманентного социального террора. В политической сфере имеет место деформация политической системы: легальный статус получили военизированные группировки радикалов и экстремистов, многие из которых пополнили ряды парламентских партий и общественных движений.

Международная обстановка в Восточной Европе принципиально изменилась после прихода к власти в США представителей Демократической партии. С этого момента кардинально преобразилась стратегия администрации В. Зеленского, до того времени использовавшего имидж «президента мира». Четвертый этап милитаризации украинской государственности, берущий свое начало с 2021 г., представляет собой открытую и наиболее выраженную угрозу национальной безопасности России. Правящему режиму Киева удалось мобилизовать ресурсы социума на идеологической русофобской основе и нарастить возможности военно-политического

экспансионизма для отторжения новых регионов Российской Федерации. Военная организация государства приобретает все большее значение в системе властных отношений. Возникают предпосылки для установления в недалеком будущем прямой или опосредованной военной диктатуры украинского образца. Ввиду нацеленности украинских властей на продолжение военных действий правительства и политические субъекты поддерживающих Киев европейских государств фактически становятся заложниками его амбиций.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Итогом радикализации украинского общества и политической системы страны стало построение новой модели милитаризма, особая опасность которой заключается в оформлении как внутренней, так и внешней формы милитаризации.

Ситуация усугубляется практически состоявшейся интеграцией Украины в глобальную систему милитаризма постиндустриального мира, что означает превращение киевского режима в передовой эшелон евроатлантического гегемонизма. Последний во многом подпитывается положениями современного «либерального интернационализма», детально исследованного в работах Э. Уильямса. Указанная доктрина оправдывает насилие для создания мирового сообщества «цивилизованных народов». Заметим, что иные идеологические концепты, функционировавшие в идейной сфере Украины в 1990–2000 гг., после «Евромайдана» 2013–2014 гг., постепенно были вытеснены радикальными идейно-политическими доктринами и не имеют сегодня устойчивой социальной базы и последовательных сторонников [10, p. 21].

Подобным образом со стороны евроатлантистов обеспечено идеологическое оправдание для ресурсной, военно-технологической, информационной и политико-дипломатической поддержки украинской милитаризации. В результате на востоке Европы формируется крупнейший эпицентр военно-политической конфликтности, где концентрируются крупные войсковые группировки НАТО, модернизируется военная инфраструктура, наращиваются возможности транснационального ВПК, функционирует «интернационал» наемников и частных военных контракторов.

Особая роль в описанном развитии событий принадлежит правительству Польской Республики, в реваншистских целях формирующему антироссийский

и антибелорусский военно-политический альянс с украинскими властями. Таким образом, в Восточной Европе конституируется дочерний по отношению к Североатлантическому союзу, но юридически не связанный с ним военно-политический блок. Это объединение имеет гибридный, комбинированный характер. Его стержневыми элементами выступают Польша и Украина, а контуры направленной против Москвы и Минска коалиции дополняют такие страны, как Литва, Латвия и Эстония, обеспечивающие информационно-пропагандистское и дипломатическое сопровождение данного проекта. Со стороны украинских официальных лиц предпринимаются также попытки втягивания в экспансионистские планы правительства унионистов Молдавии, поводом для чего выбран «приднестровский вопрос».

Уникальность ситуации в том, что украинский милитаризм не только следует в фарватере ведущих мировых держав, но и одновременно служит катализатором процесса мировой милитаризации, из-за своей авантюрной политики представляя угрозу для единого пространства безопасности Восточной Европы. Именно значительная автономия украинского милитаризма и национализма от тех внешних сил, которые опекали и поддерживали антироссийский курс Киева, служит одной из предпосылок и наиболее выраженным источником нарастающего кризиса современного миропорядка.

Заметим, что украинский милитаризм не обладает прочным историческим фундаментом, основанным на иллюзорных, но откровенно шовинистических и антигуманных идеологических постулатах. Именно из-за сращивания милитаристских и националистических проявлений народ Украины в 2013–2022 гг. оказался в условиях внутреннего вооруженного конфликта, фактически гражданской войны. Последовавшее вслед за этим открытое столкновение с Россией принесло огромные лишения украинскому обществу, которое во многом утратило производительную экономику, понесло существенные демографические потери, погрузилось в обстановку морального кризиса и коллективной психической деградации. Не вызывает сомнения, что

в случае компромисса с национальными интересами Российской Федерации этих потерь и утрат удалось бы избежать, равно как и предотвратить опасный кризис международных отношений.

ВЫВОДЫ

Таким образом, украинский милитаризм в XXI столетии максимальными по историческим меркам темпами превратился в один из факторов развития международных отношений в Восточно-Европейском регионе. Следует признать, что экспертное сообщество Российской Федерации не уделяло в последние годы должного внимания милитарному сектору социальных отношений в соседней стране. Вне развернутого анализа оказались такие проблемы, как нарастание радикализма не только в политической, но и в социальной сфере Украины, когда активистский потенциал граждан оказался деформирован и канализован в сторону политики милитаризма.

Длительное время официальные лица Российской Федерации пытались наладить прагматическое сотрудничество с рядом общественных деятелей, не скрывавших своих националистических убеждений и оправдывавших милитаристские приготовления Киева; делались официальные призывы к сотрудничеству с военными кругами Украины. Итогом этого стали системные дефекты российской политики на украинском направлении.

Назрела необходимость в принятии новой редакции Стратегии национальной безопасности России, а также внесении дополнений в содержание таких доктринальных документов, как Концепция внешней политики, Доктрина информационной безопасности, Стратегия экономической безопасности, а также в нормативную базу противодействия терроризму и экстремизму. Необходимая корректировка методологического инструментария национальной безопасности и теории международных отношений должна способствовать решению практических задач и представлению обоснованных рекомендаций при решении актуальных проблем российской внешней политики в XXI столетии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельков С.А. Герменевтика современного милитаризма: размышления политолога. *Власть*. 2013;(1):191–192.
2. Lasswell H. Essays on the garrison state. New Brunswick, NJ; London: Transaction Publishers; 1997.
3. Гольц А.М. Бремя милитаризма. *Отечественные записки*. 2005;5(26):195–204.
4. Joana J., Mérand F. The varieties of liberal militarism: A typology. *French Politics*. 2014;(12):177–191.
5. Bickford A., Militarism and Militarization, Anthropology. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, Second Edition. Vol. 4. Oxford: Elsevier; 2015.
6. Клямкин И.М., ред. Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство; 2007. 624 с.

7. Bacevich A. The New American Militarism. How Americans are Seduced by War. Oxford — New York; 2005. 270 p.
8. Ланцов С.А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2014;(15):124–131.
9. Мищенко И.Е. Футурология милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования. *Человек. Культура. Образование*. 2021;2(40):137–140.
10. Williams A. Liberalism and war: the victors and vanquished (The new international relations). New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge; 2006. 263 p.

REFERENCES

1. Melkov S.A. Hermeneutics of modern militarism: reflections of a political scientist. *Vlast' = Power*. 2013;(1):191–192. (In Russ.).
2. Lasswell H. Essays on the garrison state: New Brunswick, New Jersey; London: Transaction Publishers; 1997.
3. Golts A.M. The Burden of Militarism. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2005;5(26):195–204. (In Russ.).
4. Joana J., Merand F. Varieties of liberal militarism: A typology. *French politics*. 2014;(12):177–191.
5. Bickford A., Militarism and militarization, anthropology. International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences, second edition. Vol. 4. Oxford: Elsevier; 2015.
6. Klyamkin I.M., ed. The Russian state: yesterday, today, tomorrow. Moscow: New Publishing house; 2007. 624 p. (In Russ.).
7. Bacevich A. The New American militarism. How Americans are seduced by war. Oxford — New York; 2005. 270 p.
8. Lantsov S.A. Ukrainian nationalism as a destabilizing factor in the Eurasian space: some aspects of genesis. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2014;(15):124–131. (In Russ.).
9. Mishchenko I.E. Futurology of militarism: foundations and experience of socio-cultural forecasting. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = A Human. Culture. Education*. 2021;2(40):137–140. (In Russ.).
10. Williams A. Liberalism and War: Winners and Losers (New International Relations). New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge; 2006. 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Леонидович Цыбаков — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия

Dmitry L. Tsybakov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8240-6415>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
d413839@yandex.ru

Игорь Константинович Василенко — кандидат юридических наук, доцент, Донецкий национальный университет, Донецк, Россия

Igor K. Vasilenko — Cand. Sci (Law), Associate Professor, Donetsk National University, Donetsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7505-9950>
fcl.jur@donnu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.